

Адриан Конан Дойл

«Рыжая вдовушка»

*Часть сборника
Все приключения Шерлока
Холмса*

Шерлок Холмс. Свободные продолжения

Адриан Дойл
«Рыжая вдовушка»

«АСТ»

1954

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

Дойл А. К.

«Рыжая вдовушка» / А. К. Дойл — «АСТ»,
1954 — (Шерлок Холмс. Свободные продолжения)

«— Ваше заключение совершенно верно, мой дорогой Уотсон, — сказал вдруг Шерлок Холмс. — Убожество жизни и нищета являются естественной средой, порождающей преступления с применением насилия. — Именно так, — закивал я. — Мне как раз пришло в голову, что...»

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

© Дойл А. К., 1954
© АСТ, 1954

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Адриан Конан Доил, Джон Диксон Карр «Рыжая вдовушка»

– Ваше заключение совершенно верно, мой дорогой Уотсон, – сказал вдруг Шерлок Холмс. – Убожество жизни и нищета являются естественной средой, порождающей преступления с применением насилия.¹

– Именно так, – закивал я. – Мне как раз пришло в голову, что...

Но тут я осекся, в изумлении глядя на него.

– Бог ты мой, Холмс! – воскликнул я затем. – Это, право, уже чересчур! Как вам удалось проникнуть в мои сиюминутные мысли?

Мой друг глубже откинулся в кресле, сложил кончики пальцев рук вместе и внимательно оглядел меня из-под тяжелых, низко свисавших век.

– Вероятно, я бы добился более справедливой оценки своих скромных способностей, отказавшись отвечать на ваш вопрос, – сказал он с суховатой усмешкой. – У вас ведь уже отчасти выработалась привычка, Уотсон, скрывать собственное неумение различать очевидное за небрежной манерой воспринимать затем мои объяснения как цепочку легких, но вполне логичных рассуждений.

– И все равно я не понимаю, как цепочка логичных рассуждений дала вам возможность проследить за ходом моего мыслительного процесса, – отозвался я, несколько уязвленный его высокомерием.

– В этом опять-таки не было ничего сложного. Я просто наблюдал за вами последние несколько минут. Выражение вашего лица оставалось вполне безмятежным, пока, осматривая комнату, вы не наткнулись взглядом на одну из книжных полок, а точнее, на «Отверженных» Виктора Гюго – то есть на книгу, которая произвела на вас столь сильное впечатление, когда вы прочитали ее в прошлом году. Судя по полуприкрывшимся затем глазам, вами овладела задумчивость, и вы явно стали снова перебирать в уме перипетии этой потрясающей саги о людских страданиях. Потом ваш взгляд устремился сначала за окно, сквозь которое сейчас можно видеть только падающий снег, серое небо и невзрачные промерзшие крыши соседних домов, и, медленно переместившись к полке над камином, уткнулся в лежащий там перочинный нож, служащий мне для накалывания писем, оставшихся пока без ответа. Ваше лицо еще более помрачнело, и, сами того не заметив, вы несколько раз с грустью покачали головой. И вы продолжали мыслить ассоциативно. От потрясающих душу сцен жизни низов общества, описанных Гюго, вы перешли к воображаемым картинам существования людей в холодных трущобах суровой зимой, а к дальнейшим размышлениям вас подтолкнула сталь ножа, блеснувшая поверх нашего скромного очага. И тогда выражение вашего лица окончательно сделалось печальным и полным меланхолии от понимания, к каким последствиям приводит нескончаемая трагедия огромной массы людей. Вот тут-то я и позволил себе выразить полное с вами согласие.

– Что ж, должен признаться, вы проследили ход моих мысленных рассуждений с чрезвычайной точностью, – сказал я. – Удивительно четкая логика, Холмс.

– Но это же элементарно, мой дорогой Уотсон.

Подходил к концу 1887 год. Зима прихватила землю своей стальной хваткой с тех пор, как в последнюю неделю декабря повалил обильный снег, и за окнами квартиры Холмса на Бейкер-стрит открывался невеселый вид на низко нависшие тучи и побелевшие черепичные крыши, с трудом различимые сквозь густо падающие снежинки.

¹ © Перевод. И. Моницев, 2011.

И хотя это был, несомненно, памятный год для моего друга, гораздо более важным оказался он для меня самого, потому что прошло всего два месяца с того дня, когда мисс Мэри Морстон оказала мне честь, согласившись соединить свою судьбу с моей. Смена холостяцкого существования отставного армейского врача на благополучную семейную жизнь не осталась без непрошенных и весьма колких комментариев со стороны Шерлока Холмса, но, поскольку именно ему мы с женой были обязаны тем, что вообще встретили друг друга, нам легко удавалось относиться к его циничным шуткам с терпимостью и даже пониманием.

В тот день – а если быть точным, 30 декабря, – я заскочил в нашу старую берлогу, чтобы провести с моим добрым другом несколько часов и заодно узнать, не попалось ли ему какого-нибудь интересного дела с тех пор, как я навещал его в последний раз. Я застал его бледным и апатичным в старом домашнем халате, обернутым вокруг плеч, и курившим свой излюбленный черный табак в таких количествах, что из-за висевшего в гостиной дыма огонь в камине был словно костер в тумане.

– Ничего, кроме нескольких рутинных расследований, Уотсон, – ответил он на мой вопрос с ноткой искреннего огорчения в голосе. – Творческое начало в преступном мире, кажется, полностью атрофировалось с тех пор, как я избавил мир от покойного Берта Стивенса, да будет ему земля пухом!

После этого наступило долгое молчание. Холмс угрюмо свернулся в своем кресле и не произнес ни слова до той самой неожиданной реплики, с которой я начал рассказ.

Когда я поднялся, собираясь уходить, Холмс снова оглядел меня критическим взглядом.

– Как я вижу, Уотсон, – сказал он, – вы уже начали расплачиваться за свое семейное счастье. Плохо выбритая левая сторона вашего подбородка дает невеселые основания полагать, что некто переставил ваше зеркальце в ванной под другим углом. И, кроме того, вы позволяете себе излишние расходы.

– Совершенно неоправданное обвинение.

– Это при зимней-то цене в пять пенсов за цветок? А петлица вашего сюртука говорит о том, что в нее вдевали бутон не далее как вчера.

– Впервые замечаю за вами подобную мелочность, Холмс, – ответил я довольно резко. Он разразился искренним смехом.

– Мой дорогой друг, вы должны простить меня за это! – воскликнул он. – Ведь это действительно до крайности несправедливо, что я выплескиваю на вас накопившиеся во мне излишки умственной энергии, которые действуют мне на нервы. Но постойте! Я, кажется, что-то слышу.

На лестнице раздались чьи-то тяжелые шаги. Мой друг жестом показал, чтобы я вернулся в кресло.

– Задержитесь ненадолго, – сказал он. – Это Грегсон, и старый пес, быть может, снова при каком-нибудь важном деле.

– Грегсон?

– Я ни с чем не спутаю этот печатный шаг. Это не Лестрейд – тот намного легче, но в то же время миссис Хадсон его знает, иначе проводила бы наверх. Так что это Грегсон.

Не успел он договорить, как в дверь постучали, и на пороге возникла с ног до ушей закутанная в утепленный плащ фигура. Гость швырнул свой котелок в ближайшее пустовавшее кресло и размотал шарф, прикрывавший нижнюю часть лица, после чего мы увидели перед собой обрамленный соломенного цвета волосами бледный овал лица инспектора Скотленд-Ярда.

– А! Это вы, Грегсон! – приветствовал его Шерлок Холмс, бросив лукавый взгляд в мою сторону. – Только что-то действительно неотложное могло привести вас сюда в столь

неблагоприятную погоду. Но снимайте же скорее плащ, дружище, и подсаживайтесь ближе к камину.

Но полицейский помотал головой.

– Мы не можем терять ни минуты, – сказал он, сверяясь с карманными серебряными часами в форме луковицы. – Поезд в сторону Дербишира отправляется через полчаса, и я попросил кебмена подождать внизу. Хотя случай не должен представлять особых сложностей для офицера с моим опытом работы, я все же буду рад, если вы составите мне компанию.

– Это что-то интересное?

– Убийство, мистер Холмс, – коротко ответил Грегсон. – И не совсем обычное, судя по телеграмме, пришедшей из местного полицейского участка. Из нее следует, что лорд Джоселин Коуп, заместитель лорд-мэра графства, был найден убитым в замке Арнсуорт. Мы в состоянии расследовать преступления подобного рода своими силами, но, принимая во внимание некоторые примечательные фразы, содержащиеся в телеграмме, я подумал, что вы пожелаете присоединиться ко мне. Вы поедете?

Холмс наклонился вперед, высыпал остатки табака из носка персидской туфли в кيسет, и вскочил.

– Дайте мне всего минуту упаковать чистый воротничок и зубную щетку, – воскликнул он. – У меня найдется новая и для вас, Уотсон. Стоп, мой друг! Никаких возражений! Что я буду делать без вашей неоценимой помощи? Напишите жене короткую записку, а миссис Хадсон позаботится, чтобы ее доставили по назначению. Завтра мы уже вернемся. Итак, Грегсон, я в вашем распоряжении. В детали вы сможете посвятить меня по дороге.

Дежурный уже вовсю размахивал флагом, сигнализируя отход поезда, когда мы вбежали на платформу вокзала Сент-Панкрас и забрались в ближайшее свободное купе для курящих. Холмс успел прихватить с собой три дорожных пледа, и, когда поезд пустился в путь среди быстро угасавшего света зимнего дня, мы с максимальным комфортом сумели устроиться каждый в своем углу.

– Ну вот, Грегсон, а теперь мне было бы интересно услышать от вас все известные вам подробности, – сказал Холмс, с любопытством глядя из-под своего знаменитого охотничьего кепи и пуская спирали голубого дыма из трубки.

– Мне мало что известно сверх того, о чем я уже успел сообщить вам.

– Но вы же применили такие обороты речи, как «не совсем обычное» по отношению к преступлению и «примечательные фразы», когда описывали телеграмму. Извольте объяснить, что вы имели в виду.

– Мои слова были сказаны по одной причине – инспектор местной полиции в своем послании рекомендовал следователю Скотленд-Ярда прочитать путеводитель по графству Дербишир и сегодняшний номер «Газеттиер». Весьма странные советы, как вам кажется?

– А возможно, весьма уместные. Вы предприняли что-нибудь?

– В «Газеттиере» говорится только, что лорд Джоселин Коуп был заместителем лорд-мэра графства, женат, но бездетен, крупный землевладелец, завещал значительную сумму местным археологическим обществам. Что касается путеводителя, то он у меня при себе, – он вытащил из кармана брошюру и принялся листать ее.

– Вот что сказано здесь, – продолжал он. – Замок Арнсуорт. Возведен в царствование Эдуарда III. Цветные витражи XV века установлены в ознаменование битвы при Аженкуре. В 1574 году семья Коупов подверглась гонениям со стороны королевского двора по подозрению в симпатиях к католикам. Замковый музей открывается для посещения один раз в году. В нем хранится обширная коллекция старинного оружия и прочих экспонатов, среди которых особо выделяется небольшая гильотина, первоначально изготовленная в Ниме во время французской революции специально для казни одного из предков нынешнего владельца замка по материнской линии. Никогда не использовалась, поскольку жертве наме-

ченной казни удалось сбежать. После окончания наполеоновских войн семья приобрела ее с торгов как реликвию своей истории и доставила в Арнсуорт. Черт! Тамошний начальник полиции, должно быть, немного не в себе. Здесь ведь нет ничего для нас полезного.

– Давайте не будем спешить с суждениями. Этот человек не стал бы рекомендовать нам ознакомиться с подобными сведениями, не будь у него на то причины. А сейчас я бы обратил ваше внимание на закатный пейзаж за окном. При таком освещении каждый материальный предмет приобретает смутные, порой едва различимые очертания, а между тем он по-прежнему находится там же, просто мы уже перестаем воспринимать его органами нашего зрения. Поверьте, вглядываясь в сумерки, можно многое для себя почерпнуть.

– Полностью согласен, мистер Холмс, – расплылся в улыбке Грегсон, как бы невзначай подмигнув мне. – И очень поэтично, как мне показалось. Но я бы предпочел немного вздремнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.